

УДК 4414

DOI: 10.34670/AR.2026.30.34.006

Искусственный интеллект в механизме юридической квалификации правонарушений: теоретико-правовое осмысление пределов и условий применения

Дуваярова Сабина Арзу кызы

Аспирант,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевикская, 68;
e-mail: sabinaduvayarova@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются теоретико-правовые пределы использования искусственного интеллекта при юридической квалификации правонарушений. Обосновывается, что квалификация является не просто сопоставлением факта и нормы, а формой правоприменительного познания, включающей интерпретацию, оценку обстоятельств и принятие юридически значимого решения. Показано, что алгоритмизация допустима лишь в отношении отдельных формализуемых элементов, таких как поиск норм, систематизация данных и предварительный анализ. Вместе с тем использование искусственного интеллекта ограничено в сфере толкования оценочных понятий, установления субъективной стороны правонарушения, реализации правового усмотрения и вынесения решения. Делается вывод, что искусственный интеллект может применяться только как вспомогательный аналитический инструмент, не заменяющий субъекта квалификации и не исключающий его юридическую ответственность.

Для цитирования в научных исследованиях

Дуваярова С.А. Искусственный интеллект в механизме юридической квалификации правонарушений: теоретико-правовое осмысление пределов и условий применения // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 4А. С. 54-61. DOI: 10.34670/AR.2026.30.34.006

Ключевые слова

Искусственный интеллект, юридическая квалификация, правонарушение, правоприменение, алгоритмизация, правовое усмотрение, вина, юридическая ответственность.

Введение

Проблема внедрения искусственного интеллекта в юридическую деятельность обычно рассматривается в прикладном аспекте: как средство ускорения обработки данных, поиска нормы и повышения эффективности правоприменения. Однако за технологической стороной вопроса нередко остается без должного внимания то обстоятельство, что право не сводится к совокупности технических операций, а юридическая квалификация не тождественна механическому сопоставлению факта и нормы.

Именно поэтому вопрос об использовании искусственного интеллекта в механизме квалификации правонарушений должен решаться прежде всего на уровне теории государства и права. Существенным является не только вопрос о технической возможности алгоритмизации, но и вопрос о ее совместимости с природой правоприменения. Если квалификация понимается как особый акт правового познания и государственной оценки, то пределы применения искусственного интеллекта оказываются существенно уже, чем это представляется в рамках сугубо технологического подхода.

Юридическая квалификация как форма правоприменительного познания

В теории права юридическая квалификация обычно связывается с установлением соответствия между фактическими обстоятельствами дела и признаками, закрепленными в норме права. Однако такое определение верно лишь в самом общем виде, поскольку фиксирует внешний результат, но не раскрывает внутреннюю структуру квалификации. В действительности она представляет собой не одноактное сопоставление, а последовательный процесс преобразования социального факта в юридически значимое обстоятельство.

Факт сам по себе не выступает правовым явлением. Он становится таковым только тогда, когда включается в систему юридических координат. Иначе говоря, правоприменитель не просто обнаруживает факт, а устанавливает его значение для права. С этой точки зрения юридическую квалификацию можно определить как особую форму правоприменительного познания, в рамках которой установленные фактические обстоятельства преобразуются в юридический вывод посредством их нормативной интерпретации и оценки.

Квалификация занимает центральное место в механизме применения права, поскольку соединяет фактическую основу дела, нормативную основу решения и субъекта, уполномоченного выносить государственно значимый вывод. Поэтому она всегда находится на границе между формальной определенностью и оценочностью: с одной стороны, подчинена закону, с другой – не исчерпывается формальным чтением нормы.

Правонарушение и его квалификация в логике общей теории права

Наибольший вклад в разработку теории квалификации преступлений принадлежит В.Н. Кудрявцеву, который отмечал, что квалификация преступлений – это установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления. В то же время ученый указывал, что такое определение квалификации характеризует ее как правовое явление [Жежелевская, 2017]. Однако процесс

квалификации имеет два других важных аспектов. Во-первых, нормативную конструкцию, то есть как закрепленный в праве набор признаков, с которыми связывается возможность юридической ответственности; во-вторых, результат квалификации, то есть как признание конкретного деяния соответствующим данной нормативной конструкции. Иначе говоря, правонарушение не только описывается правом, но и конституируется в правоприменении. Пока не осуществлена квалификация, деяние остается фактом социальной реальности, но не обретает окончательного статуса правонарушения в юридическом смысле.

Именно поэтому квалификация касается не только объективной стороны деяния, но и всей структуры правонарушения: характера действия или бездействия, его противоправности, причиненных последствий, причинной связи, формы вины, а в ряде случаев – мотива, цели и особенностей субъекта.

Искусственный интеллект в праве: инструмент, а не субъект

В юридической литературе термин «искусственный интеллект» нередко употребляется слишком широко. Под ним могут пониматься как сложные самообучающиеся модели, так и обычные программные системы поиска и сортировки информации [Кудрявцев, 1972]. Для теоретико-правового анализа такая неопределенность нежелательна. В контексте настоящей темы искусственный интеллект следует понимать как алгоритмическую систему, способную на основе обработки массива данных выявлять закономерности, формировать аналитические выводы и предлагать вероятные варианты решения юридической задачи.

При таком подходе сразу становится заметно, что искусственный интеллект не может быть признан субъектом права только потому, что он участвует в выработке решения. Он не обладает собственным правосознанием, не наделен юридической волей, не несет обязанностей и не способен отвечать за последствия своих выводов. Его функционирование всегда опосредовано человеком: разработчиком, оператором, пользователем, должностным лицом, принявшим или отклонившим алгоритмическую рекомендацию [Дуваярова, 2024].

Для теории государства и права этот тезис имеет принципиальное значение. Правоприменение по своей природе есть деятельность уполномоченного субъекта, осуществляющего властное индивидуальное регулирование. Если заменить субъекта процедурой, возникнет не просто новый технический формат, а изменение самой конструкции правоприменения. Поэтому искусственный интеллект может быть рассмотрен только как элемент организационно-информационного обеспечения юридической деятельности, но не как самостоятельный носитель квалификационной компетенции.

Вопрос о допустимости использования искусственного интеллекта целесообразно решать не в категориях общего одобрения или общего отрицания, а через дифференциацию стадий квалификационной деятельности.

Возможности и ограничения алгоритмизация квалификации

Условно можно выделить три группы элементов. К первой относятся формализуемые элементы. Это поиск норм по заранее заданным признакам, сопоставление дат, сумм, статусов, субъектных характеристик. Здесь алгоритм показывает наибольшую эффективность, поскольку работает в среде относительно устойчивых и поддающихся описанию параметров.

Ко второй группе относятся частично формализуемые элементы. Сюда можно отнести предварительное моделирование состава правонарушения, вероятностную оценку

релевантности отдельных обстоятельств, ранжирование конкурирующих норм, обнаружение типовых квалификационных сценариев. На этом уровне алгоритм уже не просто сортирует данные, но строит предварительные выводы, которые требуют последующей юридической проверки.

К третьей группе относятся неформализуемые в полном объеме элементы. Это интерпретация оценочных понятий, установление субъективной стороны деяния, разрешение коллизии между буквальным смыслом нормы и ее целью, выбор между несколькими юридически возможными трактовками, индивидуализация решения в исключительной ситуации. Здесь квалификация перестает быть распознаванием шаблона и становится актом правового рассуждения.

Именно на третьей группе чаще всего обнаруживается принципиальное расхождение между логикой права и логикой алгоритма. Алгоритм действует через выявление повторяемости и корреляции; право же нередко требует решения именно там, где случай выбивается из типового ряда. Алгоритм стремится к воспроизводству устойчивой модели; правоприменитель обязан учитывать возможность того, что данное дело требует отступления от шаблона в силу его юридической специфики [Хисамова, Бегишев, 2020].

Следовательно, проблема состоит не в том, может ли искусственный интеллект участвовать в квалификации вообще, а в том, на каком участке этого процесса он перестает быть полезным инструментом и начинает угрожать самой природе юридического решения.

Оценочные понятия, вина и усмотрение как пределы алгоритмизации

Наиболее отчетливо пределы применения искусственного интеллекта проявляются там, где право оперирует открытыми и ценностно насыщенными категориями. Юридическая техника сознательно использует такие понятия, как «существенный вред», «разумность», «добросовестность», «малозначительность», «явная несоразмерность». Их задача состоит не в создании неопределенности ради неопределенности, а в обеспечении гибкости правового регулирования, позволяющей учитывать многообразие социальных ситуаций [Порываева, 2021].

Но именно эти категории плохо поддаются жесткому переводу в машинное правило. Алгоритм может установить, как часто при определенных обстоятельствах правоприменитель признавал вред существенным или деяние малозначительным. Однако он не способен сам по себе ответить на вопрос, почему в конкретном деле такое решение соответствует смыслу нормы и принципам права. Статистическая повторяемость не равна юридическому обоснованию.

Еще более сложной является проблема вины. Вина относится к тем элементам правонарушения, которые не считаются непосредственно из внешнего поведения. Она выводится из совокупности признаков, но ее установление всегда носит опосредованный и оценочный характер. Алгоритм способен выявить типичные индикаторы умысла или неосторожности, однако он не устанавливает вину в юридическом смысле слова. Он лишь предлагает вероятностную интерпретацию данных. Между тем право требует невероятностного предположения, а мотивированного вывода, сделанного уполномоченным субъектом и подлежащего проверке.

Особое место занимает правовое усмотрение. О. В. Кораблина дает следующее

определение: усмотрение – неотъемлемый элемент правоприменительной деятельности, объективно существующее и социально оправданное правом явление, в котором выражается динамизм права, его приспособленность к изменяющимся историческим условиям и конкретным ситуациям [Кораблина, 2009, с. 3, 7-8]. Усмотрение здесь не противоположно законности, а выступает способом реализации закона в условиях неполной формальной предзаданности.

Именно поэтому полная замена усмотрения алгоритмом означала бы не совершенствование права, а его редукцию. Право стало бы работать только там, где заранее можно перечислить все существенные признаки. Но как раз в наиболее сложных делах такая исчерпывающая предварительная формализация невозможна.

Даже ограниченное применение искусственного интеллекта в правоприменении связано с рядом рисков, которые должны быть осмыслены на общетеоретическом уровне.

Гносеологический состоит в подмене юридического познания машинной корреляцией. Когда правоприменитель начинает воспринимать алгоритмический вывод как объективное знание о деле, утрачивается понимание того, что перед ним не истина, а вычислительно построенная модель вероятности. Для права такое смещение особенно опасно, поскольку юридическое решение требует не просто высокой вероятности, а нормативно обоснованного вывода [Шабалина, 2017].

Аксиологический риск заключается в том, что алгоритм не нейтрален в содержательном смысле, даже если выглядит формально беспристрастным. Он обучается на данных, в которых уже закреплены определенные практики, предпочтения, системные перекосы и даже ошибки. В результате техническая система может воспроизводить не право как ценностно организованный порядок, а усредненную инерцию предшествующей практики. Там, где сама практика нуждается в критической оценке, алгоритм способен законсервировать ее дефекты [Назарова, Каширин, 2019].

Институциональный риск. Если квалификационный вывод формируется при значительном участии непрозрачной системы, возникает вопрос о распределении ответственности. Публичная власть не может ссылаться на алгоритм как на самостоятельный источник решения. Если государственно значимый вывод мотивируется ссылкой на машинную рекомендацию, происходит размывание принципа личной ответственности должностного лица [Цветкова, Грозова, 2012].

Процессуальный риск. Участник производства должен понимать, на каком основании его деяние получило именно такую квалификацию, а также иметь возможность оспорить это основание. Если же существенная часть рассуждения скрыта внутри модели, проверяемость решения снижается. Следовательно, чем больше алгоритмический компонент в квалификации, тем строже должны быть требования к объяснимости и контролируемости его работы [Цветков, www, с. 650-668].

Условия допустимого использования искусственного интеллекта

Сказанное не означает, что искусственный интеллект должен быть полностью исключен из механизма квалификации правонарушений. Напротив, его применение возможно и во многих случаях полезно, но лишь при соблюдении ряда принципиальных условий.

Т.С. Заплатаина в своей статье обоснованно указывает, что искусственный интеллект даже

при наличии определённой степени автономности не может быть абсолютно независимым, так как «программы ИИ могут включать в себя предвзятость их программистов и других людей, с которыми они взаимодействуют» [Заплатина, 2019].

Прежде всего должно сохраняться четкое разграничение между аналитической поддержкой и окончательной квалификацией. Алгоритм может помогать распознавать юридически значимые признаки, но не вправе подменять собой акт властной правовой оценки.

Далее, система, используемая в юридически значимых процедурах, должна быть проверяемой. Это означает не обязательную техническую открытость каждого элемента кода, а принципиальную возможность объяснить, какие данные были использованы, по каким критериям сформирован вывод и в чем состоят пределы достоверности результата.

Не менее важно условие человеческого контроля. Правоприменитель обязан не просто формально утверждать машинную рекомендацию, а самостоятельно проверять ее юридическую состоятельность. Там, где должностное лицо превращается в оператора, механически подтверждающего вывод системы, реальный субъект квалификации фактически смещается, даже если формально подпись ставит человек.

Наконец, необходимо сохранить право на пересмотр решения без презумпции истинности алгоритма. Использование искусственного интеллекта не должно повышать доказательственную силу вывода только потому, что он получен с применением сложной технологии. Для права важен не технологический престиж метода, а убедительность его юридического обоснования.

Исходя из этого, допустимую модель можно сформулировать так: искусственный интеллект в механизме квалификации правонарушений представляет собой вспомогательный инструмент предварительной юридико-аналитической обработки данных, тогда как субъектом итоговой квалификации остается исключительно человек, наделенный соответствующей компетенцией и несущий ответственность за принятое решение.

Заключение

Проблема использования искусственного интеллекта в механизме юридической квалификации правонарушений не может быть адекватно решена вне категориального аппарата теории государства и права. Ее смысл заключается не в техническом вопросе о мощности алгоритма, а в принципиальном вопросе о границах допустимой формализации правоприменения.

Юридическая квалификация представляет собой особую форму правоприменительного познания, в которой установленные факты получают юридическое значение через нормативную интерпретацию, оценку и властный вывод. В силу этого она лишь частично поддается алгоритмизации: формализуемыми могут быть поиск, систематизация, предварительное сопоставление и аналитическое моделирование, но окончательная квалификация не сводится к этим операциям.

Пределы применения искусственного интеллекта обусловлены наличием в праве оценочных понятий, необходимостью устанавливать субъективную сторону деяния, потребностью в правовом усмотрении и принципом публичной ответственности за юридическое решение. Следовательно, теоретически оправданной является только ограниченная, человекоцентричная модель использования искусственного интеллекта, при которой алгоритм усиливает

аналитические возможности правоприменителя, но не замещает его в осуществлении квалификационного вывода.

Библиография

1. Дуваярова С.А. Понятие искусственного интеллекта // Научный потенциал. – 2024. – № 3 (46). – С. .
2. Жежелевская О.Ю. К вопросу о понятии юридической квалификации // Юридическая наука. – 2017. – № 3. – С. 57-62.
3. Заплата Т.С. Искусственный интеллект в вопросе вынесения судебных решений, или ИИ-судья // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 4 (56). – С. 160-168.
4. Кораблина О.В. Усмотрение в правоприменительной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009. – С. 3, 7-8.
5. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М.: Юрид. лит., 1972. – 352 с.
6. Назарова Ю.В., Каширин Ю.И. Аксиологические риски в контексте современного образования // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2019. – № 3 (31). – С. 70-76.
7. Порываева Н.Ф. Алгоритмизация права и принципы права // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 4. – С. 53-59.
8. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Сущность искусственного интеллекта и проблема определения правосубъектности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2020. – № 2. – С. 96-106.
9. Цветков Ю.А. Прогноз и хеджирование рисков в принятии решений следователем и судьей // Вестник СПбГУ. Право. – Т. 14. – Вып. 3. – С. 650-668.
10. Цветкова Г.С., Грозова О.С. Теория и практика институциональных рисков // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 1. – С. 476-480.
11. Шабалина Е.И. К вопросу о гносеологии в юриспруденции и ее значении для реализации задач правоохранительной деятельности // Юристь-Правоведь. – 2017. – № 1 (80). – С. 7-10.

Artificial Intelligence in the Mechanism of Legal Qualification of Offenses: A Theoretical and Legal Understanding of the Limits and Conditions of Application

Sabina A. Duvayarova

Postgraduate Student,
National Research Ogarev Mordovia State University,
430005, 68, Bolshevikskaya str., Saransk, Russian Federation;
e-mail: sabinaduvayarova@yandex.ru

Abstract

The article examines the theoretical and legal limits of using artificial intelligence in the legal qualification of offenses. It is substantiated that qualification is not merely a comparison of fact and norm but a form of law enforcement cognition, including interpretation, assessment of circumstances, and the adoption of a legally significant decision. It is shown that algorithmization is permissible only in relation to certain formalizable elements, such as the search for norms, data systematization, and preliminary analysis. At the same time, the use of artificial intelligence is limited in the sphere of interpreting evaluative concepts, establishing the subjective side of an offense, exercising legal discretion, and rendering a decision. It is concluded that artificial intelligence can only be used as an auxiliary analytical tool that does not replace the subject of qualification and does not exclude their legal responsibility.

For citation

Duvayarova S.A. (2026) *Iskusstvennyy intellekt v mekhanizme yuridicheskoy kvalifikatsii pravnarusheniy: teoretiko-pravovoe osmyslenie predelov i usloviy primeneniya* [Artificial Intelligence in the Mechanism of Legal Qualification of Offenses: A Theoretical and Legal Understanding of the Limits and Conditions of Application]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (4A), pp. 54-61. DOI: 10.34670/AR.2026.30.34.006

Keywords

Artificial intelligence, legal qualification, offense, law enforcement, algorithmization, legal discretion, guilt, legal responsibility.

References

1. Duvayarova S.A. (2024). Ponyatiye iskusstvennogo intellekta [The Concept of Artificial Intelligence]. *Nauchnyy potentsial*, 3(46), [page numbers not provided].
2. Zhezelevskaya O.Yu. (2017). K voprosu o ponyatii yuridicheskoy kvalifikatsii [On the Concept of Legal Qualification]. *Yuridicheskaya nauka*, 3, 57-62.
3. Zaplatina T.S. (2019). Iskusstvennyy intellekt v voprose vyneseniya sudebnykh resheniy, ili II-sud'ya [Artificial Intelligence in the Issue of Rendering Judicial Decisions, or AI Judge]. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*, 4(56), 160-168.
4. Korablina O.V. (2009). *Usmotreniye v pravoprimeritel'noy deyatel'nosti* [Discretion in Law Enforcement Activities]. *Abstract of Dissertation ... Candidate of Juridical Sciences*. Saratov. pp. 3, 7-8.
5. Kudryavtsev V.N. (1972). *Obshchaya teoriya kvalifikatsii prestupleniy* [General Theory of Qualification of Crimes]. Moscow: Yuridicheskaya literatura. 352 p.
6. Nazarova Yu.V., Kashirin Yu.I. (2019). Aksiologicheskiye riski v kontekste sovremennogo obrazovaniya [Axiological Risks in the Context of Modern Education]. *Gumanitarnyye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo*, 3(31), 70-76.
7. Poryvayeva N.F. (2021). Algoritmizatsiya prava i printsipy prava [Algorithmisation of Law and Principles of Law]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 4, 53-59.
8. Khisamova Z.I., Begishev I.R. (2020). Sushchnost' iskusstvennogo intellekta i problema opredeleniya pravosub'yektnosti [The Essence of Artificial Intelligence and the Problem of Determining Legal Personality]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya*, 2, 96-106.
9. Tsvetkov Yu.A. (2023). Prognoz i khedzhirovaniye riskov v prinyatii resheniy sledovatelem i sud'yey [Forecast and Hedging of Risks in Decision-Making by Investigators and Judges]. *Vestnik SPbGU. Pravo*, 14(3), 650-668.
10. Tsvetkova G.S., Grozova O.S. (2012). Teoriya i praktika institutsional'nykh riskov [Theory and Practice of Institutional Risks]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 1, 476-480.
11. Shabalina E.I. (2017). K voprosu o gnoseologii v yurisprudentsii i yeye znachenii dlya realizatsii zadach pravookhranitel'noy deyatel'nosti [On the Issue of Epistemology in Jurisprudence and Its Significance for the Implementation of Law Enforcement Tasks]. *Yurist'-Pravoved*, 1(80), 7-10.